

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1995 г. Ф. ПАПП

М.В. ЛОМОНОСОВ И ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Вскоре после возвращения из Марбурга, за несколько лет до начала работы над "Древней российской историей", где немало внимания уделено чуди, в дискуссии с академиком Г.Ф. Миллером М.В. Ломоносов восклицает (кажется, именно так, по-латыни): "Certus quoque sum Hungaros non alio nomine russos, quam quo ipsi se vocent, adpellare" [Ломоносов 1902:126]¹ ("Я убежден, что венгры именуют русских тем именем, каким они сами себя называют" – 1749–1750 гг.). Позже, видимо, он сам передает эту мысль на русском языке таким образом: "Я довольно удостоверился, что венгерцы называют нас русскими, а (остальных?) славян разами (правильно: рацами, орфографически *rátz-ráz* и т.п. – Ф.П.)" (с. 33). Откуда же это "удостоверение", это раннее убеждение о венгерском названии русских? Откуда, хотя и написанное с ошибкой, венгерское слово *rác*? И еще одно неожиданное заявление о том, что в венгерском много славянских слов (с. 202), – сегодня это уже, правда, никого не удивляет, но, чтобы это сказать, надо было быть уверенным в чудском (терминология Ломоносова) происхождении венгерского языка. И все это почти сразу же после возвращения из Германии?

А дело как раз в этой самой Германии. Елизавета из династии Арпадов (*Árpád-házi [szent] Erzsébet*) вышла замуж за маркграфа Людовика еще в XIII веке, стала святой, пожалуй, единственной венгерской святой в мировой католической церкви (*ecclesia mundi*). С тех пор в Марбурге постоянно обучалось немало венгерских стипендиатов, сначала католической, потом лютеранской веры. (М. Лютер терпел только одну святую – Елизавету из Арпадов). Многие, если временами не все девицы Марбурга в крещении получали имя Елизаветы (так нарекли и будущую жену Ломоносова, дочь старшины марбургских пивоваров Иосифа Цильха – Елизавета-Христина). Венгерские стипендиаты были нередко бедны, даже одежду они получали от господина, поддерживавшего их. Они были и значительно старше своих однокурсников: ведь прежде вместо учебы они работали. Одним из таких студентов был Ш. Детшей (*Détsei Sámuel*) из Трансильвании, будущий тамошний лютеранский пастор. Он вел альбом, где рядом с подписью проф. Вольфа и других отчасти известных нам марбургских и прочих иностранных профессоров вдруг появляется сделанная единственным иностранным студентом запись по-латыни и по-русски: *Michael Lomonosoff / Ruthenus / Aug. 30 Anne 1737* (день отъезда Детшей из Марбурга) [Папп 1983]. *Ruthenus* – это либо название подкарпатских русских-украинцев (но ясно, что Ломоносов таковым не являлся – таковым будет автор первой венгерской грамматики на родном языке), либо, в нашем случае, эквивалент немецкого названия русских-москвитов (относительно последнего значения см. [Szótára 1976], s.v. *rutén*); иными словами, лат. *Ruthenus* в языке марбургских венгров означало в те времена нечто вроде "наш (венгров) русский" (геср. "как вы, венгры, нас, русских, называете"). *Ruthenus Michael Lomonosoff*, кото-

¹ Все остальные цитаты даются (с указанием страницы в скобках) по 4-му изданию [Ломоносов 1952].

рый проучился в Марбурге вместе с Детшей девять месяцев, конечно, прекрасно знал, что венгерцы называют русских русскими (orosz [oros]). Данный факт представлял особую важность для дискуссии с акад. Миллером по поводу норманнской теории: если предки венгров называли русских русскими тогда, когда варягов на Руси еще и в помине не было, то норманнская теория, очевидно, неверна. Однако как раз в этом месте никакого доказательства (источника) у Ломоносова, так любившего, уважавшего источники (известно, что печатание "Древней российской истории" задержалось из-за того, что автор настаивал на слишком сложной системе подстрочных и полевых сносок), нет; судя по всему, именно в этом кардинальном вопросе он просто не мог сослаться на источник: рядом с классиками мировой и русской историографии трудно было назвать в качестве источника марбургскую улицу с ее венгерскими возгласами – отсюда лаконичное утверждение: "Certus quoque sum... / Я довольно удостоверился...".

Следующая по порядку венгерская "реляция" М.В. Ломоносова датируется летом (июнем–августом) 1756 г. Тогда в Петербурге гостил известный венгерский филолог Г. Кальмар (Kalmár György, см. [Папп 1959: 62 и сл.], а также ряд последующих публикаций автора; к сожалению, в указанной статье допущено много грубых опечаток). Здесь дело не в том, на каком языке они говорили между собой (в основном, очевидно, по-латыни), а в том, что Г. Кальмар был ярким противником "чудской" теории, сторонником скорее легендарной гипотезы о родстве венгерского языка с языками Библии – греческим, еврейским и т.п. После изучения совершенно уникальной находки – личной библиотеки М.В. Ломоносова (см. [Кукушкина, Лебедева 1978]) – мы уже довольно хорошо знаем, какими русскими словами мог обрушиться на несчастного, хотя и по всей Европе известного венгерского гостя Михаил Васильевич – как свидетельствуют его заметки на полях, это был обиженный и оскорбленный, угрюмый человек (см. [Папп 1984]). Впрочем, главное опять не в этом, а в том, что Ломоносов стоял: несмотря на авторитет Кальмара, он ни на йоту не отошел от своих старых, петербургских, академических, европейских "чудских" воззрений [Рapp 1987].

И, наконец, последний интересующий нас документ, появившийся при жизни М.В. Ломоносова, относится к 1762 г. или более позднему времени. Это перечень ряда языков, причем против некоторых из них стоит крестик – "очевидно, тех, с которыми Ломоносов был знаком" (П.Н. Берков взял на себя смелость высказать это предположение десятилетия назад [Берков 1953: 110, сн. 6]). Среди последних фигурируют "летский" и венгерский. В том, что Ломоносов знал оба языка, сомневаться не приходится: о венгерском речь уже шла выше – по всей видимости, это был для него, наряду с немецким, первый живой иностранный язык; что же касается латышского, то среди вновь найденных личных книг ученого видное место занимает монография Адольфи об этом языке [Кукушкина, Лебедева 1978], которая пестрит внимательными пометами Ломоносова (под конец он даже исправляет опечатки автора, см. [Папп 1984]). Заметим, что упомянутый список языков не публиковался еще ни в одном академическом издании сочинений Ломоносова, включая и последнее; хуже того: один-единственный раз он был издан (не в собрании сочинений), однако с роковой опечаткой: без крестика против "венгерской" (см. [Папп 1959: 58]).

В 1855 г. в Санкт-Петербурге вышла первая венгерская грамматика на русском языке, преследовавшая своей целью показать, что Ломоносов был неправ в чудском вопросе, что язык гордых венгров, чьи изображения приводятся в книге, не чудского происхождения (автор грамматики, конечно, венгр – об этом см. [Папп 1959: 65 и сл.]); однако эти утверждения подверглись справедливой критике Н.Г. Чернышевского – а следовательно, Ломоносов был прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков П Н* 1953 – Рец. на кн.: М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений Т. 7. М.; Л., 1952 // ВЯ. 1953. № 6 –
- Кукушкина М В, Лебедева М Н* 1978 – Книги из библиотеки М.В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. Л., 1978
- Ломоносов М В* 1902 – Сочинения. Т. 5. СПб., 1902.
- Ломоносов М В* 1952 – Полн. собр. соч. Т. VI. М., Л., 1952
- Панн Ф* 1959 – М.В. Ломоносов и финноугроведение // ФН 1959. № 1
- Панн Ф* 1983 – Венгерский знакомый М.В. Ломоносова в Марбурге // Russica In memoriam E. Balczyk. Budapest, 1983.
- Панн Ф* 1984 – На полях личной библиотеки М.В. Ломоносова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. XXX.
- Papp F* 1987 – Einige Episoden aus der Geschichte der Finnougristik des 18. Jahrhunderts // Finnisch-ugrische Mitteilungen. 1987. 11.
- Szótára* 1976 – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Harmadik kötet. O-Zs Budapest, 1976